

Токарев Алексей Александрович

ПОЭТИКА ДУХОВНОЙ ЖАЖДЫ В ТВОРЧЕСТВЕ ИВАНА ЖДАНОВА

Предметом исследования в статье становятся поэтические и прозаические тексты Ивана Жданова, анализ которых позволяет прояснить некоторые аспекты аксиологии их автора. Также становятся более прозрачными логические законы, по которым выстраиваются и функционируют его художественные миры, и выявляется специфика метареалистической поэтики Жданова. Особое внимание уделяется отсылкам к библейской мифологии.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/2/2016/12-1/10.html

Источник

Филологические науки. Вопросы теории и практики

Тамбов: Грамота, 2016. № 12(66): в 4-х ч. Ч. 1. С. 38-41. ISSN 1997-2911.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/2.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/2/2016/12-1/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net

Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: phil@gramota.net

Таким образом, хронотоп квартиры в малой прозе М. А. Булгакова занимает одно из ключевых мест. В булгаковских произведениях с хронотопом квартиры связана особая идея распада мира, превращения устоявшегося жизненного уклада в хаос и «разруху». Хронотоп квартиры, основанный на фантастических, страшных метаморфозах, происходящих и с героями, и с самим пространством (метаморфоза дом/антидом), маркирует фантазмагорически-абсурдную реальность и появление «нового» мира, в котором замкнутость, ограниченность и одиночество человека стали главными характеристиками.

Список литературы

1. Бахтин М. М. Формы времени и хронотопа в романе. Очерки по исторической поэтике // Бахтин М. М. Вопросы литературы и эстетики. М.: Художественная литература, 1975. С. 11-193.
2. Булгаков М. А. Дом Эльпит-Рабкоммуна [Электронный ресурс] // URL: <http://www.libros.am/book/read/id/71776/slug/dom-ehlpit-rabkommuna> (дата обращения: 27.10.2016).
3. Булгаков М. А. Записки на манжетах. Записки покойника: театральные романы. СПб.: Азбука, Азбука-Аттикус, 2016. 304 с.
4. Булгаков М. А. Собачье сердце: сборник. М.: АСТ, 2016. 320 с.
5. Гей Н. К. Искусство слова. М.: Наука, 1967. 364 с.
6. Кораблёв А. Мотив «Дома» в творчестве М. Булгакова и традиции русской классической литературы // Классика и современность / под ред. П. А. Николаева, В. Е. Хализева. М.: Изд-во МГУ, 1991. С. 239-247.
7. Лебина Н. Б. Повседневная жизнь советского города: Нормы и аномалии 1920-х – 1930-х годов. СПб.: Журнал «Нева»; Издательско-торговый дом «Летний Сад», 1999. 320 с.
8. Лотман Ю. М. О русской литературе: Статьи и исследования (1958-1993): История русской прозы. Теория литературы. СПб.: Искусство-СПб, 2005. 845 с.
9. Осмухина О. Ю. Поэтика скандала в романе М. А. Булгакова «Мастер и Маргарита» // Филологические науки. Вопросы теории и практики. Тамбов: Грамота, 2016. № 3 (57): в 2-х ч. Ч. 1. С. 46-49.
10. Осмухина О. Ю. Специфика воплощения темы рода в отечественной прозе рубежа XX-XXI вв. // Вестник Нижегородского университета им. Н. И. Лобачевского. 2015. № 1. С. 286-289.
11. Пропп В. Я. Исторические корни волшебной сказки. М.: Лабиринт, 2002. 274 с.
12. Радомская Т. И. Свет в художественном пространстве дома: Пушкин и древнерусская книжная традиция // Вестник Самарского государственного университета. 2006. № 10-2 (50). С. 43-49.
13. Цивьян Т. В. Дом в фольклорной модели мира (на материале балканских загадок) // Семиотика культуры: Труды по знаковым системам. Тарту: Тартуский государственный университет, 1978. Вып. X / отв. ред. А. Мальц. С. 65-85.

THE APARTMENT CHRONOTOPOS IN THE SHORT PROSE BY M. A. BULGAKOV

Os'mukhina Ol'ga Yur'evna, Doctor in Philology, Associate Professor

Korotkova Elena Gennad'evna

Ogarev Mordovia State University

osmukhina@inbox.ru; korotkova_elenka93@mail.ru

The article analyses the apartment chronotopos in the short prose of M. Bulgakov. It is found out that the apartment becomes “anti-house”, “false home” for the characters. In “Heart of a Dog”, “The Fatal Eggs”, “Notes on the Cuff” and other works the apartment represents a temporary shelter and contributes to the creation of the image of a phantasmagorical and absurd world. The state of loneliness, alienation and the impossibility of complete seclusion and rest are the indicators of absurd existence and maximum internal discomfort of the characters. The apartment space promotes the feeling of their own homelessness and desolation among protagonists.

Key words and phrases: M. Bulgakov; locus; short prose; motif; chronotopos; apartment chronotopos; house chronotopos.

УДК 1751

Предметом исследования в статье становятся поэтические и прозаические тексты Ивана Жданова, анализ которых позволяет прояснить некоторые аспекты аксиологии их автора. Также становятся более прозрачными логические законы, по которым выстраиваются и функционируют его художественные миры, и выявляется специфика метареалистической поэтики Жданова. Особое внимание уделяется отсылкам к библейской мифологии.

Ключевые слова и фразы: метареализм; метареалистическая поэзия; инсайд-аут; метабола; обратная проекция.

Токарев Алексей Александрович

Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова

swetozarka@yandex.ru

ПОЭТИКА ДУХОВНОЙ ЖАЖДЫ В ТВОРЧЕСТВЕ ИВАНА ЖДАНОВА

Проблема определения специфики метареалистической поэзии, которая встает перед её исследователями, как правило, решается несколькими способами. Прежде всего, это описание поэтических приемов, характерных для метареализма, и изучение исторических фактов, приведших к образованию и формированию

данного течения («подпольный» семинар по теории метакода и метаметафоры, проводимый Константином Кедровым [6, с. 3], а также противостояние метареалистов и концептуалистов [9, с. 195]).

В то же время вопрос о проблематике метареалистической поэзии остается относительно малоразработанным. Возможно, причиной является большое разнообразие тем, языковых концептов и различных художественных стратегий авторов. Однако еще в «Тезисах о метареализме и концептуализме», созданных в 1983 году, Михаил Эпштейн отметил важную особенность метареалистической поэзии, которая напрямую влияет на её проблематику: поэты-метареалисты стремятся доказать, что «общие идеи (например, “Бог”, “Любовь”, “Красота”)) обладают «полнотой реальности», и, таким образом, «устремление к целостности проводится до конца в метареализме» [Там же, с. 165].

В этой связи особенно интересна лирика Ивана Жданова. Наиболее частотные мифологемы, которые поэт использует в своем творчестве, связаны с библейской мифологией (например, стихотворения «Взгляд» [3, с. 27], «Плач Иуды» [Там же, с. 31], «Мелкий дождь идет на нет...» [Там же, с. 32], «Возвращение» [Там же, с. 124], «Восхождение» [Там же, с. 128] и многие другие). Разработка библейских тем осуществляется в том числе с использованием сугубо метареалистических приемов.

Так, метабола, изображающая кризисное духовное состояние мира, лежит в основе стихотворения «На этой воле, где два простора...». Здесь она иллюстрирует наложение двух действительностей («небесной» и «земной») и болезненно трагическую незавершенность, дисгармоничность такого наложения. «Два простора» «тяготеют враждой друг к другу», то есть сближаются в результате конфликта. В результате «незаметно их двоемирье» [Там же, с. 145] – такое описание художественного мира можно назвать апологией метабола: сходящиеся миры настолько близки друг к другу, что уже не ощущается их разделённость. Разрывается привычная соотнесенность между земным и небесным, в результате чего возникает кризис веры: «Пьют безучастных богов по кругу, / и нет незваных на этом пире» [Там же].

Эта строфа связана с несколькими текстами Нового Завета: словами Иисуса о том, что «много званых, а мало избранных», и притчей о брачном пире (Мф. 22:1-14). Но, в отличие от библейского текста, на пир в стихотворении Жданова приходят все, кому поступает приглашение: «...нет незваных на этом пире» [Там же]. В то же время сам пир – это не метафора Божьего попечения, как трактует текст притчи Иоанн Златоуст [4, с. 700], и не праздник обретения истинной веры (Ветхого и Нового Заветов), как объясняет эту притчу Феофилакт Болгарский [8, с. 109], но, напротив, действие языческое или, возможно, пантеистическое: «Там сварой мертвых объята свора, / пьют безучастных богов по кругу» [3, с. 145]. Таким оказывается результат разрушения классической оппозиции «небесное – земное».

Используя традиционный для метареализма принцип «обратной проекции» (инсайд-аут), Жданов показывает, что произойдет, если Царствие Небесное сделает попытку приблизиться и объять человека (а не наоборот): оно застревает «в ушке игольном» [Там же]. Авторская идея является своеобразным ответом на один из вопросов, звучащих в романе Достоевского «Преступление и наказание», черновик которого завершался строчкой: «Неисповедимы пути, которыми находит бог человека» [2, с. 203]. В трагическом мировосприятии Жданова этот путь представляется невозможным: Царствие оказывается уже и не небесным, и не приближается к человеку, оставленному на земле, тем самым лишая его ориентиров, создавая трагическую конфигурацию метафизической картины мира.

В конце третьей строфы звучит вопрос о том, где находится «лекарство / от тех сомнений, что жизнь итожит» [3, с. 145], которое можно понимать как разрешение всех ключевых вопросов, встающих перед человеком на протяжении его жизни. В то же время это – «запретный плод», и «лекарство» – лишь его облик, то есть взыскуемое лирическим героем является библейским плодом познания добра и зла. Этот плод «жизнь итожит», «ибо в день, в который ты вкусишь от него, смертью умрёшь» (Быт. 2:17), – таковы слова Бога Адаму.

Таким образом, метареалистическая поэтика позволяет Жданову затронуть богословскую проблему апокатастасиса – спорного и, возможно, еретического учения о всеобщем спасении, которое граничит (в авторском понимании) с проблемой релятивизма («нет ни правых, ни виноватых» [Там же]), так как спасение достигается без работы души («благословенье... к тебе придет без твоих усилий» [Там же]). В одном из прозаических этюдов Жданов пишет о релятивизме, обусловленном объединением точек зрения – человеческой и божественной, и о том, что может стать результатом такого взгляда на мир: «А все дело только в точке зрения творца или свидетеля созидания, и не столько в ней самой, сколько в обусловленности ее, то есть в такой ситуации, когда возможно свою точку зрения как созерцателя уравнивать или даже поставить выше точки зрения Творца, объявив тем самым свою точку зрения его, а его точку зрения – сомнительной. Это ведет к отрицанию Бога» [Там же, с. 135].

Также финал стихотворения отсылает к другому эссе Жданова, где сказано: «В раю нет ревности – все друг друга простили, увидели, что и прощать-то нечего было, потому что и вины не было» [Там же, с. 93]. Развивая эту мысль в эссе, Жданов вновь выходит на проблему релятивизма и равнодушия, характерного, по мнению автора, для нашего времени, говоря, что «если дело так пойдет дальше, не будут различаться ни ночь, ни день, а значит, и времени не будет. Апокалипсис?» [Там же]. Так, кризис веры является угрозой самому времени, что понимается поэтом как преддверие конца света.

Другая библейская мифологема получает необычное развитие, возможно, в одном из самых светлых стихотворений Жданова – «На новый год». Лирический сюжет развивается на фоне катастрофы – Всемирного потопа. Жданов сопоставляет библейский Потоп, ковчег Ноя и жизнь, которую предстоит прожить человеку в наступающем году. Поводом для столь необычного сопоставления оказывается то, что, согласно тексту Библии, Всемирный потоп длился один год и десять дней. Разница в десять дней не является критической. Так, по мнению протодиакона Андрея Кураева, «литургическое время отнюдь не обязано совпадать

со временем астрономическим. Время метафизическое самоценно и не сводится к физическому времени» [7, с. 8]. Кураев говорит о том, что «у истории – свое время, она в свой календарь вбирает хронометрию космоса» [Там же]. Именно феномену такого совмещения и посвящено стихотворение Жданова.

Сопоставление года (астрономического времени) и жизни, которую проживает человек за это время, с ковчегом может показаться парадоксальным: что в таком случае остается «за бортами» ковчега, что оказывается собственно Потопом? Думается, что наилучшим образом отвечает на этот вопрос вторая строфа: «Он создан нами... / его постройка означает – жить» [3, с. 100]. Изображая развивающуюся катастрофу, поэт пишет: «Смерть подражает очертаньям жизни» [Там же, с. 152]. Это подтверждает мысль о соответствии смерти водам потопа, ведь вода, сдавливая погруженное в нее тело, точно повторяет его контуры. Примерно об этом художественном приеме Жданов говорит и в одном из своих эссе: «Мы видим корабль или море по отдельности, а с точки зрения природы света это морекорабль» [Там же, с. 152].

Образ «внутреннего солнца в нас самих» [Там же], которое отбрасывает тени, можно объяснить, принимая во внимание прием «обратной проекции». Но, думается, выражение «непривычно видеть» свидетельствует об уникальности этого явления, и автор выделяет «внутреннее» солнце из ряда метаболических образов. Вероятно, здесь имеет место отсылка к апокрифическому тексту Евангелия от Фомы, в котором Иисус говорит ученикам: «...когда вы сделаете внутреннюю сторону как внешнюю сторону... тогда вы войдете в [царствие]» [1, с. 192]. Эта цитата использована Константином Кедровым в качестве эпиграфа к одной из частей книги «Инсайдаут» [5, с. 12], а также применяется Кедровым для описания эффекта «выворачивания» в его «Энциклопедии метаметафоры» [6, с. 30]. Поэтому очень вероятно, что данный текст был знаком Жданову. Этот образ оказывается связан с мотивом богоискательства, стремления к Богу и Раю (сколь бы апокрифично и даже зачастую еретично ни понимались эти категории Ждановым). Также этот образ соотносится с трактатом Платона «Тимей», где тени выполняют функцию мира материи, а солнце является миром эйдосов, то есть первичных сущностей. И человек «только по теням может догадаться о существовании солнца» [3, с. 101].

То, что согласно Евангелию от Фомы кажется ученикам Иисуса непонятным и парадоксальным, может быть даже невозможным, оказывается вполне реальным в художественном мире, построенном по поэтическим принципам метареализма. Библейская метафора «внутреннего как внешнего» реализуется в тексте Жданова по законам метареалистической поэтики. Кедров так описывал этот поэтический прием, говоря, что инсайдаут «упраздняет понятия “внешнее” и “внутреннее”, заменяя их внешне-внутренним и внутренне-внешним миром» [6, с. 83].

Открывает четвертую строфу – как развитие мрачной интонации третьей – достаточно типичная для Жданова мысль о том, что человек, возможно, есть лишь память, видение другого человека. Но затем, подобно волне, эта мысль разбивается риторическим для поэта-метареалиста вопросом: «А что, когда и я – всего лишь проблеск / глазного дна» [3, с. 100]. И Жданов вновь возвращается к основной идее стихотворения, развивая метаболу года-ковчега: он также оказывается зерном, которое лежит на ладони лирического героя. Лирический герой словно бы переводит взгляд с окружающей действительности, макромира (астрономический год), вовнутрь себя самого, на свой микромир. При этом обе эти действительности остаются равноправны, равнозначимы.

Вероятно, образ зерна связан с метафорической репрезентацией веры, пусть и величиной с горчичное зерно. В тексте стихотворения эта метафора становится материализованной – но в характерном для метареализма ключе. Так «метаметафорическое» «выворачивание» зерна описывал в «Энциклопедии метаметафоры» Кедров: зернышко, «выворачиваясь, прорастает во внешнее пространство, становясь им» [6, с. 30]. Вера оказывается началом, объединяющим всех, кто находится в Ковчеге: «Для каждой твари есть звезда и место» – то есть пассажиры ковчега связаны с горним миром. Образ ковчега имеет позитивные коннотации в поэтическом словаре Жданова. Так, автор пишет: «Бестиарий – персонажи видений св. Антония. Бестия – зверь (лат.), зверь-оборотень, зверь нехороший. А вот у Ноя все звери хорошие, правильные, нужные» [3, с. 135]. Возможно, эта «правильность» и «нужность» могут быть объяснены как раз связью с трансцендентным, божественным началом, которое реализуется в тексте Жданова с помощью классического символа – звезды. Любопытно, что в одной из программных статей – «О метареализме» Эпштейн отмечал принципиальное отличие художественного мира поэта-метареалиста и поэта-символиста: в метареализме «отсутствует художественный принцип “двоемирия”, четко проведенная грань между “этим” и “тем”, “здешним” и “запредельным”. Символ у символистов – это стык двух резко различных значений, буквально-го и переносно-обобщающего, причем акцентируется сама двойственность этих планов, зазор и разрыв между ними» [9, с. 149]. «На новый год» Жданова отвечает «требованиям» метареалистического стихотворения: «Метареализм исходит из принципа единомирия, предполагает взаимопроникновение реальностей, а не отсылку от одной, “мнимой” или “служебной”, к другой – “подлинной»» [3, с. 149], но Жданов все же использует символ, не нарушая логики своего текста и его стилистического единства. Этот пример свидетельствует о достаточно гибкой индивидуальной художественной системе поэта, позволяющей совмещать не только различные поэтические методы, но и принципиально разные подходы к описанию художественной действительности.

Непосредственно концептуальная сложность стихотворения «На новый год» заключается в буквальном сопоставлении мифического образа и реального, астрономического времени. Подобный подход использует Жданов также в своей эссеистике, прямо говоря, что «предмет – овеществленное, воплощенное время» [Там же, с. 22]. Это позволяет автору приблизить действительность к библейскому чуду, оживив миф, сделав его пожеланием-пророчеством на наступающий новый год жизни. При этом автор не скрывает своей тревоги относительно того, насколько сложным (эпохально, цивилизационно) может оказаться грядущий год.

Также это стихотворение оказывается своеобразной попыткой ответить на вопрос, поставленный Ждановым в одном из эссе: «Что было до начала, когда не было никакого начала?» [Там же, с. 135]. Апеллируя

к неким «законам исторической грамматики», автор предполагает, что «слова “начало” и “конец” восходят к одному историческому корню» [Там же, с. 22]. По мнению Жданова, этот пример «говорит о том, что древние не сводили мироустройство к линейному процессу», а «теперь же всякое творчество (создание) видится вытянутым в некую дорогу, у которой должны быть конец и начало» [Там же]. Концепция года-ковчега, который создает человек, соотносится скорее именно с циклическим пониманием времени и противостоит неверной, по мнению Жданова, «линейной» концепции творчества и жизни. В результате не происходит конфликта с божественным началом (как, например, в ждановской трактовке мифа о Вавилонской башне [Там же, с. 135]): «Ковчег же строят и строят, но он нерукотворен, не руками строится» [Там же, с. 136].

Метареалистические приемы функционируют в текстах не только на уровне поэтической техники. Являясь отражением авторской аксиологии и ярко демонстрируя художественное мышление поэта, метареалистическая оптика становится достаточно эффективным инструментом интерпретации библейских сюжетов. Впрочем, Жданов не снимает их парадоксальности, но, напротив, художественно акцентирует ее, выстраивая таким образом сложную поэтическую систему.

Список литературы

1. **Апокрифы древних христиан**: исследование, тексты, комментарии. М.: Мысль, 1989. 336 с.
2. **Достоевский Ф. М.** Полн. собр. соч.: в 30-ти т. Л.: Наука, 1973. Т. 7. 428 с.
3. **Жданов И. Ф.** Воздух и ветер: сочинения и фотографии. М.: Русский Гулливер, 2005. 176 с.
4. **Иоанн Златоуст.** Творения: в 12-ти т. СПб.: Изд-во Санкт-Петербургской духовной академии, 1901. Т. 8. 720 с.
5. **Кедров К. А.** Инсайдаут. М.: Мысль, 2001. 282 с.
6. **Кедров К. А.** Энциклопедия метаметафоры. М.: ДООС, 2000. 129 с.
7. **Кураев А. В.** Размышления о первой главе книги бытия (фрагмент) // Альфа и омега. 1995. № 1 (4). С. 8-10.
8. **Феофилакт Болгарский.** Толкования на Евангелия от Матфея и от Марка. М.: Сибирская Благовонница, 2010. 375 с.
9. **Эпштейн М. Н.** Постмодерн в русской литературе. М.: Высш. шк., 2005. 495 с.

POETICS OF SPIRITUAL THIRST IN IVAN ZHDANOV'S CREATIVE WORK

Tokarev Aleksei Aleksandrovich
Lomonosov Moscow State University
swetozarka@yandex.ru

The article focuses on studying Ivan Zhdanov's poetical and prosaic texts the analysis of which allows clarifying the certain aspects of poet's axiology. The research findings contribute to establishing logical laws according to which his artistic worlds develop and function. The paper identifies the specifics of Zhdanov's meta-realistic poetics paying special attention to Biblical mythology references.

Key words and phrases: meta-realism; meta-realistic poetry; inside-out; metabola; rear projection.

УДК 821.09

Авторы статьи в своем исследовании выдвигают сразу несколько положений, касающихся индивидуальной специфики сюжетостроения в произведениях С. Довлатова. Во-первых, ими проводится мысль о том, что перенос точки наблюдения – один из наиболее частых нарративных приемов в прозе писателя. Во-вторых, предлагают своё понимание функций второстепенных, «проходных» персонажей в текстах Довлатова: представление каждого из них определяет будущее состояние повествовательного «Я» автора и одновременно реализует явление «когнитивного переноса», формируемое с помощью осязаемых адресаций к потенциальным сюжетным линиям этих эпизодических героев. В-третьих, существующие в едином повествовательном пространстве Довлатова образы обладают достаточно автономными и замкнутыми хронотопами, что предопределяет высокую степень свободы писателя в выстраивании мировоззренческих и оценочных статусов его героев, включая и образ самого автора.

Ключевые слова и фразы: структура; сюжет; сюжетная линия; когнитивный перенос; конструкт; передислокация; нарратив; хронотоп; повествовательный; внесюжетный; образ; объект; элемент.

Толгуров Тахир Зейтунович, д. филол. н.
Институт археологии Кавказа (г. Нальчик)
kangaur64@yandex.ru

Кушхова Жанета Артуровна
Кабардино-Балкарский государственный университет имени Х. М. Бербекова (г. Нальчик)

СЕРГЕЙ ДОВЛАТОВ: ПРИНЦИПЫ ФОРМИРОВАНИЯ СЮЖЕТА

Р. Барт в анализе значения и роли отдельных структур повествовательного текста разделил их на два больших типа, выделив в качестве основного средства построения действия так называемые «ядерные функции».